

ОБСУЖДЕНИЕ

С. А. Никонов, С. Б. Чебаненко

Древняя Русь в исследовании М. Б. Свердлова

Книга М. Б. Свердлова «Домонгольская Русь» подводит итоги многолетних исследований в области истории общественных отношений. Автор продолжает отстаивать традиционные для советской историографии взгляды о феодализме как основе общественного устройства в Киевской Руси, соответствующим образом трактуя любые указания на существование социального неравенства и господства-подчинения. Своих оппонентов ученый обвиняет в приверженности догматическим схемам, рожденным в сталинские времена, что является неприемлемым для продуктивной научной дискуссии.

Ключевые слова: домонгольская Русь, историография, феодальные отношения.

В 2003 г. в свет вышла обобщающая работа известного петербургского историка М. Б. Свердлова, посвященная, если следовать заглавию книги, институту княжеской власти на Руси в VI — начале XIII в.¹ По сути, мы имеем дело с итоговым исследованием автора, которое подводит некую черту в его многолетнем изучении истории и историографии Древней Руси.

М. Б. Свердлов принадлежит к одним из тех не многих специалистов по истории средневековой Руси, для которых понятие «древнерусский феодализм» не утратило своего эвристического значения. В рецензируемой монографии, так же, как и в других предшествовавших ей работах, ученый не раз подчеркивает, что только понятие феодализма дает возможность представить общество Древней Руси во всей его целостности. Понятие «феодализм» очерчивает границы той «терри-

¹ *Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI—XIII в. СПб., 2003. 736 с.*

тории историка» (наименование статьи А. Я. Гуревича), преимущественно историографической, на которой продолжает пребывать сам М. Б. Свердлов.

Видимо, не случайно помимо «феодализма» исследователь очень активно в своей монографии прибегает и к такому понятию, как «единое Русское государство». И то и другое определение, в некотором роде, демонстрирует особенность взгляда на историю Древней Руси самого М. Б. Свердлова, отличающего его от общепринятых взглядов на проблему в современной историографии. Действительно, в то время, когда большинство современных специалистов (к слову сказать, не обязательно принадлежащих к пресловутой «школе Фроянова») по раннему русскому Средневековью уходят от общей характеристики специфики социального строя Древней Руси, сторонятся использовать обобщающие категории (государство, класс, сословие и т. п.) при изучении древнерусского общества X — начала XIII в., твердая позиция ученого должна продемонстрировать верность тем принципам научного исследования, которые были общеприняты в историографии еще совсем недавно.

В нашу задачу не входит целостный анализ монографии петербургского историка. Как уже отмечалось в предшествующей рецензии на нее², задача эта достаточно сложная, поскольку исследование М. Б. Свердлова претендует на всеохватность — в нем нашли отражение проблемы общественной и социально-экономической жизни Древней Руси (от племенного строя до государственности) в самых различных ракурсах — это и политические процессы IX — начала XIII в., и особенности социальной структуры древнерусского общества, и восприятие власти князя в общественном сознании, и многое другое. Остановимся только на некоторых, как нам представляется наиболее существенных, вопросах, которые позволяют представить взгляд историка на особенности социально-экономического и правового строя Древней Руси.

В понимании сущностной характеристики феодализма историк проделал определенную творческую эволюцию. Перво-

² Рецензия на монографию М. Б. Свердлова была подготовлена П. В. Лукиным и П. С. Стефановичем (Лукин П. В., Стефанович П. С. [Рец. на кн.:] Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 371-403).

начально, о чем можно судить по монографии, опубликованной в 1983 г.³, представления ученого о феодализме совмещали в себе два подхода — Б. Д. Грекова, считавшего, что феодальным отношениям присуще вотчинное землевладение, основанное на эксплуатации зависимых людей, и Л. В. Черепнина, полагавшего, что в Древней Руси изначально феодализм существовал в форме государственной собственности на землю, основанной на взимании дани-ренты с лично свободного населения. С начала 1990-х годов исследователь корректирует свою точку зрения на проблему особенностей древнерусского феодализма (правда, при этом, не оговариваясь, что его позиция отличается от тех взглядов, которые он высказывал ранее). Феодализм для М. Б. Свердлова — это прежде всего система отношений, основанная на материальном обеспечении княжеских дружинников «посредством фьефов-феодов, которым соответствовали на Руси X—XIII вв. слова *кормити*, *корм*, а позднее — *кормление*» (с. 29). Эти «фьевы-феоды», исследователь встречает в письменных источниках начиная уже с X в. К ним относятся все примеры, связанные с полюдьем древнерусских князей, описанные как в отечественных, так и в зарубежных источниках, передача князем Владимиром Святославичем отдельных территорий Древней Руси в управление своим многочисленным сыновьям (с. 259). Параллельно с этим существовало и господское хозяйство (княжеское и дружинное), в котором присутствовала эксплуатация зависимых людей (там же).

При видимом отличии в подходе к определению понятия «феодализм», все же стоит констатировать, что заметных изменений во взглядах историка не произошло. Действительно, «фьевы-феоды», под которые подпадают самые различные ситуации, связанные с обеспечением княжеских дружинников (о чем речь пойдет далее), не что иное, как та же «государственная феодальная собственность», основанная на взимании дани-ренты. Если и можно, в данном случае, говорить об эволюции подхода ученого к проблеме феодализма, то только применительно к вопросу о соотношении форм феодальной собственности — «фьевов-феодов» и вотчинного хозяйства, в общем

³ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

процессе генезиса феодализма. Первой, о чем можно судить по последним публикациям М. Б. Свердлова⁴, отдается явное предпочтение. Именно «фьевы-феоды», особенно на раннем этапе складывания Древнерусского государства, способствовали не только материальному обеспечению княжеских приближенных, но и являлись основой для консолидации знати вокруг института княжеской власти.

В письменных источниках, как считает историк, выработалась особая терминология для обозначения «фьевов-феодов». Таковой, с точки зрения М. Б. Свердлова, являются понятия *орма* и *хлеба*, которые с XI в. уже перестали подразумевать исключительно натуральные платежи шедшие на содержание князя и его дружины. Эти определения, как считает автор, превратились «в архетипический по происхождению синоним княжеского натурального податного обложения...» (с. 541).

Вместе с тем понятие *хлеб* становится и «синонимом материального и материально-денежного обеспечения в виде *орма* за службу» (с. 542). Это вновь ведет исследователя к пониманию «материального фундамента» феодального общества, основу которого составляли неземельные пожалования князя дружинникам.

Вообще, как можно судить по рецензируемой монографии, для исследователя два процесса — формирование знати и феодальных отношений — являются взаимообусловленными. Ввиду чего необходимо и историографический анализ проблемы генезиса феодализма в Древней Руси, соотносить с представлениями М. Б. Свердлова о процессе складывания древнерусской дружины.

Дружина рассматривается исследователем как достаточно емкое по содержанию понятие, которое включало в себя не только ближайшее окружение князя (его «друзей»), но и «разные виды объединений княжеских служилых людей» (с. 263). Дружиной в X—XII вв. могли называться и воинский отряд, и знать, и княжеский совет, и многое другое. Широкое значение понятия «дружина» проявлялось и в том, как замечает М. Б. Свердлов, что в Древней Руси не было производного от него

⁴ Перечень публикаций М. Б. Свердлова содержится в рецензируемой монографии. (Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 692).

понятия дружинник (с. 262). При этом, как отмечает автор, высокий статус лиц, вхожих в дружину, определялся их доступом к управлению обществом и взиманием дани через неземельные «фьевы-феоды» (с. 269). С последним отчасти можно согласиться, если конечно же не абсолютизировать роль дружины в управлении обществом, поскольку ей приходилось делить свое участие с общинными институтами — от низовой (верви), до высшей (городской общины). Правда, в таком случае становятся не совсем понятными рассуждения М. Б. Свердлова о емкости понятия дружина, ведь конечный вывод, к которому приходит исследователь, все тот же, известный науке еще с XVIII в.: дружина — это высший слой знати, принимающий участие в управлении государством наравне с князем.

Отношения между князем и дружинниками, согласно ученому, строились на основе «дружбы-службы». Служба при этом обеспечивалась и материально (с. 264). Любовь князя к дружине, часто упоминающаяся в летописях при оценках того или иного правителя, трактуется автором как «клише», за которым в действительности стоит отношение вассалитета-сюзеренитета (с. 264). Щедрость князя выражалась в неземельных феодах, которые передавались дружинникам. «Такого рода феоды, — читаем далее, — представляли собой материальное содержание феодальных отношений как обеспечения за вассальную службу» (с. 265). Поэтому, заключает исследователь, отношение князя к богатству было не просто как к источнику накопления материальных благ, а как к средству обеспечения дружины. Подобного рода «неземельные феоды» исследователь находит уже в ранних известиях древнерусской летописи. Яркий рассказ «Повести временных лет», читающийся под 996 г., о том, как дружинники роптали на князя Владимира за то, что тот «даваше... ясти древяными лжицами, а не серебряными», понимается исследователем предельно утилитарно: «Таким образом, основная функция золота и серебра — не накопление и богатство, а наделение им дружины». Следовательно, и богатство играет роль неземельных феодов. Аналогичным образом ученый трактует проблему «фьевов-феодов» и на основе прочтения рассказа о приеме немецкого посольства князем Святославом Ярославичем. Стяжание князя было негативно оценено немецкими послами только потому, что «злату»

можно было найти куда более достойное применение — раздачи в качестве неземельных феодалов (с. 265).

Подобного рода рассуждения, несмотря на внешнюю научность и строгость в оценках⁵, как представляется, уводят в сторону от понимания общей проблемы отношения к богатству в раннем средневековье, впрочем, также уводят и от проблемы древнерусского феодализма. Если на минуту принять логику рассуждений исследователя, то тогда и согласие князя Игоря в 944 г. принять дань от «греков», следует рассматривать в качестве примера установления феодальной зависимости киевского князя от Византии. При всей кажущейся абсурдности выдвинутого нами контраргумента, как представляется, он дает возможность увидеть ограниченность подхода М. Б. Свердлова к проблеме древнерусского феодализма. Действительно, если даже не принимать в расчет сравнительно-исторические данные о «дружеских взаимоотношениях» князя (военного предводителя) и его сподвижников, а ограничиться только историческими свидетельствами о восточных славянах VIII—IX вв., то следует отметить, что дар от князя дружиннику, так же как и передача части военной добычи, был обыденным явлением в их взаимоотношениях. Категориальный аппарат, каким пользуется М. Б. Свердлов, здесь не пригоден для описания взаимосвязей князя и дружины, основу которых составляет дар, поскольку они не во всем являются «служебными». Дружинник служит князю не из-за материальных благ, вернее, не только из-за них. Дружинника с князем связывает целый «узел» морально-этических представлений, восходящих как к дохристианским представлениям о службе, так и к ценностям, сформированным христианством. Какую материальную подоснову

⁵ Так, «действительность» диалога князя с немецкими послами подтверждается, согласно М. Б. Свердлову, наличием независимого сообщения немецкого источника об этом посольстве (1075 г.). (Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 265). В данном случае, как представляется, исследователь не делает разницы между фактом самого посольства и передачей летописцем «речи» князя. В последнем случае более продуктивно было бы искать не «протокольную запись» слов киевского князя, а выражение общих представлений летописца о бренности всего земного (прежде всего «злата») и кратковременности жизни человека (в том числе и князя Святослава Ярославича). Спустя непродолжительное время после приема посольства в 1076 г. киевский князь Святослав умирает.

можно найти, например, в высказывании автора «Слова о полку Игореве»: «А мои ти куряни сведоми къмети, подь трубами повити, подь шеломы възлелеяны, конецъ копия въскрѣмлены»? Чувство сопричастности к своему князю, общность в ратном деле — вот что в первую очередь объединяет князя и дружинника, а не «фьевы-феоды».

Проблема неземельных «фьевов-феодов» в современной отечественной историографии поднималась не только М. Б. Свердловым. К этим вопросам обращались также А. А. Горский, А. П. Толочко и др. В частности, ими ставился вопрос, который совершенно ускользнул от взора М. Б. Свердлова, о том, насколько передача территории в *корм* от «старшего» князя «младшему» была подкреплена обязательством несения службы. По справедливому замечанию А. П. Толочко, понятие «кормление», которое часто используется в специальных исследованиях по истории социально-экономических отношений раннего русского Средневековья, не совсем удачное. Во-первых, оно не было известно источникам XI—XIII вв., а во-вторых, кормление — достаточно позднее явление, за которым кроется комплекс совершенно иных правовых и социальных отношений, неизвестных древнерусскому обществу⁶. «Кормленные» грамоты, сохранившиеся от периода XV — начала XVI в., как раз и закрепляют принцип службы кормленщика (удельного или служилого князя, боярина и т. п.) великому князю. Служба в этот период выступает и одним из условий формирования аппарата власти единого государства на низовом уровне.

Небольшой историографический экскурс в данном случае нам понадобился для того, чтобы показать, что внимания только к «голым» фактам передачи дара или корма от князя дружиннику или от князя к князю, без учета специфики самих взаимоотношений различных представителей правящей элиты, явно недостаточно для понимания социального строя Древней Руси.

К проблеме дружины и феодализма ученый возвращается не единожды. Так, исходя из собственных воззрений на советскую историографию Древней Руси, М. Б. Свердлов заключает,

⁶ Толочко А. П. Князь в Древней Руси: Власть. Собственность. Идеология. Киев, 1992. С. 151.

что одним из существенных недостатков ее было представление о феодализме исключительно как о строе с развитым крупным землевладением и крепостным крестьянством. В подобном случае, как думает автор «Домонгольской Руси», может возникнуть противопоставление дружины и феодализма. Этот подход им списывается на влияние «сталинской схемы» исторического процесса в целом и феодализма в частности (с. 412-413). Справедливости ради надо сказать, что сам исследователь еще не так давно представлял феодализм именно в качестве общества с господствующей в нем крупной феодальной собственностью. Но на сегодняшний день ученый считает, что «отрыв» дружины от феодализма приводит «к разрыву ее (дружины. — С. Н., С. Ч.) многообразных экономических, социальных и политических связей со всеми другими структурами общества» (с. 413). Дабы этого избежать, по мнению исследователя, надо

рассматривать дружину в качестве сословной группы, статус которой всецело зависел от службы князю (с. 415). Исследование статей Правды Ярославичей приводит М. Б. Свердлова к выводу о том, что в ней просматривается особый юридический и социальный статус княжих людей (с. 416). Последнее нашло выражение в установлении 80-гривенной виры за смерть княжеского человека. При этом все прочие лица, за которых была установлена 40-гривенная вира, в монографии относятся к сословию лично свободных людей (с. 416-417). Таким образом, основным сословнообразующим фактором на Руси оставалась служба князю (с. 417).

Надо сказать, что понятие сословия применительно к характеристике древнерусского общества в работе М. Б. Свердлова преподносится как вполне очевидное и не требующее особых пояснений. Так, в монографии мы не найдем упоминаний о дискуссиях отечественных и зарубежных исследователей относительно сословного или бессословного характера средневекового русского общества. Сам факт службы дружинника князю и является достаточным условием для возникновения сословия (с. 269). В таком случае, может возникнуть резонный вопрос, возможно ли вообще говорить о «сословности» дружины, если данная категория определяется только отношением князя к своим подчиненным. Как же в таком случае рассматри-

вать всех тех лиц, которые были лично зависимы от князя (холопы, кормилицы, смерды и т. п.), но не входившие в княжескую дружину?

Не обходит стороной исследователь и проблему градации дружины. Данный вопрос им решается исторически, в том смысле, что отдельные прослойки дружины рождались не одновременно с самим этим институтом, а возникали каждая в свое определенное время. Одной из наиболее ранних прослоек дружины были гриди и отроки. Первые определяются ученым как профессиональные воины, этнический состав которых был разношерстным (с. 270). Отроки же, напротив, могли выполнять различные поручения — от участия в разбирательстве мелких судебных тяжб до выполнения военных обязанностей (с. 269). Позже других возник такой слой дружины, как детские. Анализируя сведения разнородных источников (от Русской Правды до летописных сообщений и данных берестяных грамот) и не делая скидок на то, что в разное время и в разных ситуациях детские могли выполнять неодинаковые функции, М. Б. Свердлов приходит к выводу, что детские составляли слой лично свободных княжеских слуг. Поручения, которые они могли получать от князя, свидетельствуют об их более высоком статусе внутри дружины, чем у отроков (управление городами, сбор дани и т. п.) (с. 537).

Еще одним, существенным с точки зрения историка, отличием детских от отроков было то, что те относились к числу «более материально обеспеченных людей, чем отроки» (с. 539).

Высшую прослойку дружинной знати, по крайней мере с конца XI в., составляли бояре. М. Б. Свердлов считает, что боярство Древней Руси было сложной по своему составу группой, в которой интегрировалась не только собственно дружинная элита, но и какие-то представители местной знати (родоплеменной в X в. и феодальной с XII в.), поступавшая на службу к князю за соответствующее материальное вознаграждение. (с. 270, 535). Вступление «местной» знати в состав дружины, в таком случае, также выступало одним из сословнообразующих факторов. Отметим, что тезис об интеграции местной, не связанной с княжеской властью, знати в дружины отстаивается М. Б. Свердловым уже давно. При этом доказательство интеграции двух «разрядов» древнерусской знати находится только

одно. Речь идет о рассказе в «Повести временных лет» о «нарубании» князем Владимиром Святославичем «лучших мужей» для службы в пограничных городках на юге Руси. Вошли ли эти «лучшие мужи» в дружину Владимира, сказать невозможно, как, впрочем, невозможно и представить, что все они, рассаженные по многочисленным городкам, являлись именно представителями знати, а, допустим, не рядовыми общинниками.

Хотелось бы также отметить другой, более серьезный, нюанс общей проблемы статуса древнерусской знати XII — начала XIII в. Очевидно, что «местная знать», о которой пишет М. Б. Свердлов, если ее рассматривать на материале тех регионов Руси, где существовала собственная летописная традиция — Северо-Восток, Северо-Запад и Юго-Запад, — не была «вписана» в княжескую дружину в узком смысле слова. Напротив, весь XII в. проходит под знаменем конфликтов местных «мужей градских» (не всегда тождественных знати) и княжеской власти. Следовательно, процесс интеграции, в том виде, как его представляет автор рецензируемой монографии, едва ли вообще имел место. Скорее всего, более корректно рассуждать о вариативности этого процесса, который протекал под воздействием самых разнообразных факторов.

Статус боярства (дружинной и местной знати) раскрывается М. Б. Свердловым и при исследовании ряда статей Пространной Правды. Свое внимание ученый обращает на те нормы, где встречается понятие *господин* (с. 534). *Господин* для исследователя — представитель именно древнерусской знати, поскольку ему принадлежит право распоряжаться холопом или закупом. Ученый сделал шаг назад в общем понимании социальной терминологии памятника и общества Древней Руси в целом. Трудно понять, почему владельцем не только закупа, но и любого движимого и недвижимого имущества (ладьи, борти, коня, двора и т. п.), которого памятник именует *господином*, мог быть исключительно феодал.

При чтении разделов монографии посвященных дружине, создается впечатление, что решающим фактором в формировании этого института, его внутреннего развития для М. Б. Свердлова остается только один — материальный. Чем больше у дружинника имелось доступа к участию в получении дани-

ренты или же к распоряжению крупными вотчинами, тем выше его статус. Все прочие факторы, способные послужить основой для градации дружины (к примеру, воспроизведение в дружинной среде элементов первичной (возрастной) социальности, восходящей истоками к родоплеменному строю), для исследователя, по всей вероятности, не существуют.

Институт княжеской власти также вписывается исследователем в общий ход развития феодальных отношений на Руси. Правда, роль княжеской власти отнюдь не сводится исследователем исключительно к процессу феодализации и формирования сословий. По сути, княжеская власть в домонгольской Руси определила и такие процессы, как становление «единого Русского государства» (по терминологии М. Б. Свердлова), развитие средневекового права.

Исследование института княжеской власти М. Б. Свердлов начинает с эпохи расселения славян в Восточной Европе. Проблема формирования высшего института власти из-за отсутствия письменных источников для этого периода решается ученым через обращение к «научно достоверной информации в этимологии и лексике индоевропейского языка» (с. 41). Вполне признавая правомерность подобного подхода, тем не менее не вполне можем согласиться с тем, как он используется исследователем. Вообще говоря, древнейший период — время зарождения и развития княжеской власти у славян — один из наиболее спорных разделов работы. Прекрасно сознавая, что этот период — один из наиболее проблематичных для адекватной интерпретации, все же подчеркнем, что он требует и более осторожных и взвешенных оценок.

Хотелось бы отметить одно методологическое положение в работе М. Б. Свердлова, к которому ученый достаточно часто прибегает. Оно заключается в *тотальном* (считаем, что это наиболее адекватное понятие для отражения авторской позиции) следовании данным Тацита о германцах I в. н. э. Эти данные используются как ключ, при раскрытии особенностей общественного устройства славян VI—VII вв. Основанием для этого является, по мнению автора, синхростадиальность германского и славянского обществ. Едва ли не единственным основанием для типологического отождествления обоих обществ является тот факт, что в эпоху Великого переселения

народов германцы и славяне не раз взаимодействовали друг с другом (с. 56).

Следование данным Тацита приводит автора к довольно важным выводам о сущности княжеской власти в VI—II вв. Вполне справедливо не удовлетворяясь принятой в большинстве исследований обобщенной трактовкой византийских/греческих терминов «филарх» и «таксиарх», часто применяемых в отношении славянских лидеров, как «глава, предводитель, вождь», автор пытается более точно определить их значение.

Насколько можно понять, дальнейшие выводы М. Б. Свердлова относительно этих терминов зависят от известий Тацита: у германцев существовали выборные военные вожди, герцоги (*dux*) и короли (*rex*) — главы племен с функциями преимущественно гражданского управления. То же было и у славян. Историк предполагает, что в VI—VII вв. существует или формируется новое понятие **vojvoda* / воевода (византийские «филарх» и «таксиарх»). На чем основано это предположение, неясно, никаких ссылок на словари или специальную лингвистическую литературу автор не приводит, что не мешает ему делать новые выводы относительно воеводы: «его функции были уже, чем князя — социально-политического и военного вождя племени», **vojvoda* — лишь выборный военный предводитель (с. 70).

Доверие к сведениям Тацита, «проницательного аналитика», позволяет использовать автору и такой логический прием: коль скоро византийцы называют одним термином славянских вождей и германских предводителей, следовательно, одинаковое наименование «отразило в социально-политической терминологии единые структурные элементы» (с. 71). Тогда оказывается, что для анализа функций княжеской власти у славян VI—VII вв. достаточно проанализировать те или иные термины, которые употребляются Тацитом в отношении германских королей I в. (с. 72). Сравнительно-исторический метод — важное подспорье исследователя, учитывая ограниченность источниковой базы, но в данном случае, как представляется, автор им явно злоупотребляет.

Все эти довольно шаткие, на наш взгляд, предпосылки позволяют М. Б. Свердлову утверждать, что «в позднем пле-

менном обществе князь избирался на народном собрании для управления племенем», военная же функция — вторична, ее исполняет открытый автором для VI—VII вв. воевода (с. 72).

Момент очень важный: автор вплотную подошел к вопросу о генезисе княжеской власти у восточных славян (впрочем, специально эта проблема им не формулируется). Насколько можно заключить из выводов М. Б. Свердлова, князя — это изначально лидеры, исполняющие функции по общему управлению племенем, «гражданские» лидеры, для которых военная функция вторична. Подчеркнем, что эти положения в основном подкрепляются отсылками к сведениям Тацита, из которых ученый делает вывод о «синхростадиальности» общественного развития славян и германцев.

Общий итог построений относительно существа княжеской власти у восточных славян VI—VII вв. таков: князь исполнял «функции ежедневного управления племенем», «князь и княжеская власть участвовали во всех основных формах экономических, социальных и правовых отношений в племени и их регулировании» (с. 78). Практически единственным подтверждением в источниках этого вывода для М. Б. Свердлова служит известие Маврикия об отношениях славянских племен к своим вождям, из которого он делает вывод о «реальной возможности руководства своими племенами» в военно-политическом отношении» (с. 71). В целом, с этим утверждением можно согласиться, но остается неясным, при чем же здесь ежедневное управление племенем, регулирование экономических и прочих отношений?

Без серьезного анализа письменных известий о славянах VI—VII вв. (в то время как анализ известий Тацита о германцах I в. в рецензируемой работе проведен более основательно) М. Б. Свердлов уверенно заявляет, что «в позднем племенном обществе избранный славянский князь вследствие своего особого общественного положения, исполняемых военных, политических и административно-политических функций получал от племени добровольные натуральные подношения и частные судебные пошлины» (с. 74). Следующий за этим вывод исследователя, также не подкрепленный анализом письменных источников и на этот раз не имеющий никаких отсылок к Тациту, сводится к утверждению: «господское хозяйство также стано-

вится одной из экономических основ княжеской власти», и более того «это экономическое основание существовало автономно по отношению к структуре племени в целом и делало материальное обеспечение князя относительно самостоятельным» (с. 74). Ни показаний источников, ни сравнительных параллелей, подкрепляющих эти идеи, в книге мы не найдем.

Подчеркнем, что эти заключения делаются при той источниковой «ситуации», когда для данного периода нет ни одного известия о внутреннем или «гражданском» управлении племенем кем-либо, кто мог бы подойти под определение племенного вождя. Все упоминания византийских источников о предводителях славян представляют их исключительно в роли военно-политических руководителей. Кроме того, возникает следующий вопрос: почему же древнерусский князь в нарративных источниках X—XII вв. предстает главным образом в одном качестве — военачальника? Если древнерусский князь эволюционировал из «гражданского» лидера племени, то по каким причинам произошла «милитаризация» его общественной роли? Этот вопрос в работе не раскрывается.

В числе важных функций княжеской власти, с точки зрения М. Б. Свердлова, унаследованных от периода «военной демократии», были и ее правовые, или уже — судебные, функции. Общеизвестно, что древнерусский правитель, в представлении людей раннего средневековья, был обязан блюсти «правду» и творить «правый суд». Вновь, предварительно, сделаем замечание методологического характера. М. Б. Свердлов безо всяких оговорок применяет для «индоевропейского периода» истории славян определения «право», «суд». Между тем вопрос о существовании норм социального регулирования догосударственных обществ остается предметом оживленных дискуссий, как правоведов, так и этнологов (юридическая антропология), также спорен и вопрос о времени и условиях превращения отдельных норм так называемого «обычного права» в нормы законодательные. Тем более что значительная часть исследователей так или иначе связывает появление права с появлением государства, а сам автор пишет об «индоевропейском периоде» (и вообще о периоде до X в.) как о догосударственном.

Схожий упрек можно предъявить и к употреблению понятия «суд». Исследователь обходит стороной древние, досудеб-

ные способы разрешения конфликтов, каковыми являлись прямые переговоры сторон, посредничество и арбитраж.

Все они не предусматривали обязательного участия представителей власти, хотя они зачастую и привлекались к разрешению споров. Вообще, по мнению современных специалистов по юридической антропологии, суд — стадияльно более поздний институт, нежели названные выше формы досудебного разбирательства. Заметим, что работа М. Б. Свердлова, отличающаяся в целом тщательной проработкой историографии, не учитывает важных наблюдений, сделанных еще дореволюционными учеными, много писавшим об исполнении древними князьями функций посредников или арбитров.

Одним из важнейших признаков суда можно назвать обязательность исполнения, принятого судьей решения. Досудебные способы предполагают возможность неприятия сторонами решений посредников, арбитров. Существование суда уже в индоевропейский период у славян/предков славян требует доказательств.

Полагаем, что доказательством этого не может служить существование в индоевропейской лексике слов, обозначающих клятву в смысле вербально-обрядовой процедуры (с. 47), таковая применялась и при досудебных способах разрешения конфликтов.

Заметим, что пределы полномочий власти вождя, князя оказываются совершенно разными в зависимости от того, исполняет ли он функции посредника-арбитра, или же судьи. В этом отношении для М. Б. Свердлова особой разницы нет: и в VI, и в XI в. князь — судья, и никакой динамики развития правовых полномочий княжеской власти здесь не видно.

Характеризуя полномочия князя VI—VII вв. в сфере социорегулирования, автор вновь привлекает сведения Тацита о германцах I в. Известия, почерпнутые у Тацита, о суде народного собрания германцев приводят ученого к выводу, что и у славян были схожие отношения (с. 62). Постулат (не подкрепленный никакими показаниями источников) о том, что князь в это время выполняет «функции высшей племенной публичной власти», приводит М. Б. Свердлова к мысли об участии князя в судебном процессе, «высшую инстанцию которого представляло народное собрание» (с. 73).

Данное утверждение вызывает у нас несколько возражений. Факт участия славянских князей (независимо от того, будем ли мы в них видеть военных предводителей или преимущественно гражданских лидеров) в заседании народного собрания и в процедурах разрешения конфликтов не находит никакого подтверждения в источниках.

Наконец, не имеется надежных сведений и в пользу того, что народное собрание славян в это время исполняло судебные функции. Некоторые источники дают на сей счет лишь слабые намеки. Бывший раб, который выдавал себя за прославленного полководца Хилвудия, на народном собрании одного из антских племен был принужден сознаться в том, что он все-таки и есть Хилвудий, «и так как он отрицал это, [соплеменники] грозили [его] наказать»⁷. Но М. Б. Свердлов не приводит и этого, единственного, свидетельства о действии славянского народного собрания предположительно в судебной сфере.

Далее М. Б. Свердлов развивает свои мысли о судебных полномочиях княжеской власти. В очередной раз воспользовавшись сведениями Тацита, который сообщал о практике взимания королем-*rex*ом части судебного штрафа (другая его часть шла пострадавшему), автор предположил, что такая же практика действовала и у восточных славян. В подтверждение своих слов он указывает на термин **prodadja* — «судебное возмещение за нанесенный ущерб». Однако нет никаких данных в пользу того, что термин «продажа» уже в праславянской лексике имел значение судебного штрафа, в котором он выступает в письменных памятниках, начиная с XI в.

Для периода VIII—IX вв. автор говорит о княжеском суде как о само собой разумеющемся общественном явлении: соединение в руках князя в это время административных и судебных функций для него аксиома, не требующая доказательств и каких-либо подтверждений в источниках (с. 119, 129, 132). Обращает на себя внимание, что при этом практически не используются восточные источники — известия арабских и персидских писателей, между тем западноевропейские привлекаются и анализируются почти с исчерпывающей полнотой.

⁷ Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I. С. 183.

Возможно, это объясняется сложностью использования восточных источников, отразивших информацию, которая попала в распоряжение авторов, что называется, из «вторых рук» (с. 174). Полагаем все же, что это недостаточное основание для их игнорирования, поскольку они несут ценную информацию о славянах Восточной Европы.

Немало в них содержится сведений о правовых реалиях IX—X вв., упомянем хотя бы хорошо известный сюжет о «суде русов», который вершит их «царь»⁸. Впрочем, как нам представляется, это известие говорит, скорее, не о суде, а об ином способе разрешения конфликтов, более напоминающем арбитраж.

Существенной вехой в распространении княжеской юрисдикции стали, согласно автору рецензируемой работы, так называемые «реформы» княгини Ольги, которая после подавления древлянского восстания «уставляющи оуставы и оуроки» у древлян, а также «оустави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани»⁹. Мнение о том, что меры Ольги касались и распространения княжеского суда, уже не раз высказывалось в историографии, но удовлетворительно аргументировано так и не было. М. Б. Свердлов, сравнивая данные основных летописных сводов, содержащих известия об этих мероприятиях Ольги, приходит к тем же выводам, что и часть его предшественников. При этом остается непонятным, на чем, кроме общих представлений автора об уровне развития княжеской власти в этот период, основывается утверждение, что погосты, «места временных остановок князя или княжих мужей с дружинами она (княгиня Ольга. — С. Н., С. Ч.) реорганизовала в центры постоянного княжеского административно-судебного управления в сельской местности» (с. 188).

Автор пишет, что здесь он повторяет выводы своей более ранней работы, но ниже приводит и дополнительную аргументацию. Правовую, судебно-административную подоплеку этих мероприятий М. Б. Свердлов усматривает во фразе летописца «уставляющи оуставы и оуроки». Взяв на вооружение «основ-

⁸ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. (1965) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 303.

⁹ Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. I. Стб. 60.

ные значения этих слов в XI—XII вв.», исследователь дает следующий перевод этой фразы: «устанавливала юридические нормы и подати» (с. 188-189). Возникает вопрос — насколько корректен подобный перевод? Ведь «уставная» деятельность Ольги по большому счету явилась следствием ненормированного сбора даней с древлян князем Игорем, которые именно из-за этого и подняли восстание. Уместно, следовательно, ожидать, что порядок Ольга будет наводить именно в сфере сбора даней, определяя размер и правила их сбора. Ничего о возмущении древлян «юридическими нормами» источники не говорят.

Погосты, которые «устанавливала» Ольга, для автора это, кроме прочего, центры судебной власти киевского князя. Приводимые им примеры значения слова «погост» в XI—XII вв. ни о чем ином, кроме как о связи погостов и даней или иных податей, не говорят (с. 188-193). Да и все летописные известия о «реформе» Ольги связывают погосты только с даяниями и ни с чем иным. Таким образом, вывод о погостах X в. как «центрах постоянного княжеского административно-судебного управления» (курсив наш. — С. Н., С. Ч.) повисает в воздухе.

Априорность высказываний относительно проблем связанных с правовой тематикой находит свое продолжение и в вопросе о средствах содержания княжеской дружины, в частности — долей от судебных штрафов. Как мы уже знаем, исследователь уверен, что «продажа» — судебный штраф в пользу княжеской власти за менее значительные преступления, нежели убийство (за него полагается вира), существует с глубокой древности. Касаясь событий конца X — начала XI в., М. Б. Свердлов для подтверждения своего мнения обращается к известиям, относящимся преимущественно к данному периоду. Это рассказ о «реформе» князя Владимира Святославича в отношении вира за убийство и явно отсылающее к нему известие Начального свода конца XI в. о «творимых вирах и продажах».

М. Б. Свердлов приводит сообщение Начального свода (около 1095 г.) о нравах древних князей и князей — современников летописца: «теи бо князи не збираху многа имения, ни творимыхъ вирь, ни продаж вскладаху люди; но оже будяше

правая вира, а ту возьмя, дааше дружине на оружье»¹⁰. Итак, если «современные» князья собирают «творимые» (несправедливые, незаконные) виры и продажи, то «древние» князья собирали «правые» (справедливые, законные) виры и только — о взимании ими «продаж» ничего не говорится. Последний момент отметил и М. Б. Свердлов при комментировании этого известия.

Но уже в следующем абзаце он утверждает, что «продажа» существует и во времена Владимира. В подтверждение своего мнения ученый пересказывает летописный рассказ о попытке князя заменить древние виры за убийство казнью преступников, когда, уже после провала этого новшества, Владимир возвращается к старой практике взимания вир, средства от которых шли на приобретение коней и оружия для дружины. Заметим, что известие это рассказывает только о вирах, о «продажах» в нем нет ни слова. Но это не мешает автору заключить: «древний порядок взимания князем судебных вир и продаж... восстанавливается» (с. 266). Откуда М. Б. Свердлов берет информацию о «продажах» эпохи Владимира Святославича, остается непонятным. Мнение автора о древнем происхождении «продаж», существовании их в конце X — начале XI в., показаниями источников не подтверждается. Напомним, что первое упоминание о «продажах» в правовых памятниках (да и вообще в источниках) относится ко времени не ранее середины XI в.

Отметим, что исследование М. Б. Свердловым правовой и судебной деятельности древнерусских князей в XI — начале XIII в., содержащееся в рецензируемой монографии основывается в целом на его более ранних работах, специально посвященных правовым вопросам¹¹. Степень обоснованности представленных здесь выводов на порядок выше, нежели в разделах, посвященных древнейшей эпохе истории восточных славян. Нельзя не отметить, что правовые разделы носят обзорный характер и дают общую картину развития правовых полномочий княжеской власти. Хотя и здесь встречаются интересные наблюдения. Заслуживает внимания авторская трактовка ста-

¹⁰ Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. III. С. 104.

¹¹ *Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.*

ты 41 Краткой Правды, которая производит расчет отчислений от судебных пошлин князю и княжеским слугам. Статья упоминает также о десятине — отчислении в пользу церкви. Между тем в статье 74 Пространной Правды, композиционно восходящей к статье 41 Краткой Правды, упоминание о десятине отсутствует. Изучение политики Ярослава Мудрого в отношении материального обеспечения церкви дает основания исследователю утверждать, что «уже в середине XI в. была сделана попытка передать церкви десятину от вир и продаж непосредственно из судов». Позднее от такого способа пришлось отказаться вследствие его неисполнимости (с. 395-397).

Княжеская власть, с точки зрения М. Б. Свердлова, выступала и одним из определяющих начал в генезисе древнерусского феодализма. Основные идеи относительно структуры княжеского домена и положения зависимого населения в нем, уже не раз высказывались историком в специальных исследованиях, и это, как полагаем, избавляет нас от излишне подробного пересказа взглядов автора «Домонгольской Руси» по данным вопросам. Обрисуем лишь в общих чертах подход М. Б. Свердлова к проблеме княжеского домена и зависимого населения в нем.

Решение названной проблемы в рассматриваемой работе дается вполне в традиционном для советской историографии ключе, как с точки зрения определения структуры княжеского хозяйства, так и с точки зрения работы с историческими источниками. Княжеский домен возникает еще в X в. В следующем столетии исследователь «находит» и примеры «хозяйственных единиц» княжеского домена.

Это те немногочисленные свидетельства начального летописания Древней Руси, в которых речь идет о пребывании князя в загородной резиденции, будь то Берестово под Киевом или Ракома под Новгородом. К этим, прямо скажем, немногочисленным примерам, исследователь добавляет еще и Вышгород, именуемый в летописи «градом Ольги» (с. 399).

Внутренняя структура княжеского хозяйства (что было привычным для многих советских историков) рассматривается через призму юридических норм Правды Ярославичей (с. 400). К сожалению, сохраняя традиционный подход к исследованию проблемы, историк вовсе оставляет без внимания критические

замечания, высказанные за последние 30 лет о том, что весь комплекс норм Правды Ярославичей нельзя рассматривать как феодальный по своему характеру, защищающий исключительно права на собственность и имущество правящей элиты Руси. Немалая часть статей этого памятника социально обезличена и, следовательно, может быть отнесена к куда более широкому слою свободных людей¹².

Княжеский домен, по крайней мере с XII в., выступает в источниках в качестве крупного хозяйственного комплекса, в который входят, в том числе и города, считает М. Б. Свердлов (с. 549). На страницах своего исследования он стремится привести исчерпывающий список тех случаев когда князья, как правило, при рождении сына, передают тот или иной город своему отпрыску (с. 550-551). Отрывочный характер летописных записей не дает возможности увидеть, каким комплексом прав обладал будущий полновластный правитель по отношению к своему «подарку». Примеров сеньориального управления городами русское Средневековье — ни раннее, ни позднее — не знало. В таком случае, может быть, более корректно говорить о получении княжичем лишь права на сбор *орма* и осуществление княжеской юрисдикции в пределах одного города, а не о реальной возможности распоряжаться городом и его населением на основе вотчинного права. Тем более что примеров передачи города или иной населенной территории в управление от одного князя другому для XI — начала XIII в. достаточно много.

Помимо городов, княжеский домен включал в себя и более мелкие структурные единицы, такие как волости и села (с. 551-554). В опубликованной ранее рецензии на монографию М. Б. Сверлова уже обращалось внимание на то, что автор не всегда корректно пользуется летописной терминологией¹³. Так, понятие *жизнь*, встречающиеся в известиях Ипатьевской летописи за 40—50-е годы XII в., в действительности не является определением для княжеской вотчины, а выступает «личным автор-

¹² Романова Е. Д. Свободный общинник в Русской Правде // История СССР. 1961. № 4. С. 86-89; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 148-149.

¹³ Лукин П. В., Стефанович П. С. [Рец. на кн:] Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 395.

ским тропом летописца», который не может быть «хозяйственно-юридическим термином»¹⁴. Другие случаи передачи князьями волостей церковным корпорациям, в том числе и пример с жалованной грамотой Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю (1130 г.), помимо предложенной ученым интерпретации имеют и другие оценки в исследовательской литературе.

В частности, все эти примеры рассматриваются как явления типологически близкие к княжескому *корму*, когда совершалась не передача непосредственно самой территории и людей на ней живущих, а лишь права на осуществление властных функций и сбора дани¹⁵.

Население княжеского домена составляли различные по своему юридическому статусу и хозяйственным функциям категории зависимого населения. Челядь рассматривается историком как собирательная категория для различных слоев зависимого населения жившего на княжеском или господском дворе (с. 558)¹⁶.

Одним из аргументов в пользу этого предположения для историка служит то, что в Краткой и Пространной Правде «не указан штраф за убийство челядина, в отличие от конкретных категорий зависимых людей» (с. 558). Довод весьма сомнительный, поскольку в законодательстве Древней Руси челядин рассматривается в качестве объекта вещного права, денежное возмещение за которого могло последовать только в случае кражи или убийства посторонним лицом. Кстати, М. Б. Свердлов оставил без внимания и то обстоятельство, что челядин в сознании людей раннего Средневековья не воспринимался в

¹⁴ Назаренко А. В. К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси. Замечания и размышления по поводу книги: Толочко А. П. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев, 1992 // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 168.

¹⁵ Толочко А. П. Князь в Древней Руси. С. 160-161; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. С. 162-164, 183-186.

¹⁶ Об этом автор обсуждаемой монографии писал и в своих ранних работах: Свердлов М. Б. Об общественной категории «челядь» в Древней Руси // Проблемы истории феодальной России: Сб. статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1971. С. 57-59.

качестве человека¹⁷. Именно отсюда происходят частые упоминания летописцем челяди наряду со скотом, которым «ополнялись» древнерусские князья во время войны.

Холопов исследователь не склонен считать рабами в классическом (под таковым он подразумевает античный мир) смысле этого слова (с. 407). Аргументация данного постулата следующая. Свои истоки древнерусское холопство берет в патриархальном рабстве восточных славян предгосударственного периода. Кроме того, холопами преимущественно становились свободные люди в силу различных неблагоприятных для себя обстоятельств (с. 558). Различный состав холопов служил причиной их внутренней дифференциации. Здесь был свой низший слой — работников на господском дворе и высший — княжеских министриалов (с. 559). Общий вывод, к которому приходит исследователь относительно специфики положения холопов в Древней Руси, заключается в следующем: «в холопстве основным было не лишение средств производства, как в рабстве, а установление полной личной зависимости, лишение экономической и социальной личной свободы при наделении холопа орудиями труда или осуществлении им многообразных служебных функций» (с. 560).

Вывод представляется несколько странным, поскольку главное качество рабского состояния (что уже отмечалось другими рецензентами) — лишение свободы и права на распоряжение собственной личностью — достаточно хорошо прослеживается по целому ряду источников, в которых отражено правовое и социальное положение холопов. Почему сам по себе факт наличия у холопа «средств производства» (кстати, это еще требует уточнения: какие средства производства могли быть, скажем, у княжеского министриала или рабники-кормилицы?) выделяет его из состояния рабства? Заметим, что характер аргументации ученого сближает его научную позицию с той «позитивистской, сталинской парадигмой» советской историографии, которую автор неоднократно обличает. Нельзя не признать, что полемика о роли рабства в Древней Руси, возникшая еще в начале 30-х годов, как раз и была спро-

¹⁷ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI—XIII вв. М.; Л., 1966. С. 44-45.

воцирована учеными «от политики». Те многочисленные усилия, которые были потрачены на доказательство неразвитости рабовладельческих отношений в Древней Руси, имели целью выявление критериев «классического» (в понимании советской историографии) феодализма. Рабству, в «классической феодальной формации», как известно, места не находилось. Имеет ли смысл вновь обращаться к этой во многом надуманной проблеме в наше время?!

Исследователь сохраняет свои прежние взгляды и по проблеме древнерусских смердов. Напомним, что в современной историографии существуют, как минимум, три подхода к характеристике этой группы зависимого населения: 1) смерды — свободные и феодально-зависимые люди; 2) смерды — государственные крестьяне; 3) смерды — данники и государственные рабы¹⁸. Ученый, судя по всему, придерживается первой точки зрения. Смерды — прежде всего свободные крестьяне.

Общины смердов, находившиеся в составе княжеского домена, управлялись старостами из числа княжеских холопов (с. 407). Смерды продолжали уплачивать подать от «дыма двора», но в господском хозяйстве, как замечает историк, «эти подати становились денежной и продовольственной рентой» (с. 407). Однако, если характер подати господских смердов оставался тем же, что и у смердов — свободных общинников, то что же в таком случае превращало эту подать в феодальную ренту? Ведь сведений об особых формах эксплуатации смердов в распоряжении историка нет. Давая общую характеристику смерду, М. Б. Свердлов пишет, что его социальный облик может быть определен в качестве крестьянина-земледела, находившегося под юрисдикцией князя. Князь гарантировал свою правовую защиту смерду, последний же был обязан уплатой регулярной и фиксированной подати, передачей князю выморочного имущества (с. 520).

Два известия источников XI в. (эпизод Поучения Владимира Мономаха и рассказ о подавлении «восстания волхвов» в 1071 г. на Белоозере) дают историку основания говорить о распространности нормы Краткой и Пространной Правды (КП и

¹⁸ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 177-213.

ПП) «не мучить смерда без княжа слова» на всей территории «единого Русского государства» (с. 520). М. Б. Свердлов приходит к выводу, что в сознании смердов жило твердое убеждение о своем князе как гаранте их безопасности. «Таким образом, — заключает историк, — и законодательная норма ст. 78 ПП о защите личных прав смердов, и их обеспечение Владимиром Мономахом, о чем он с гордостью писал, продолжали во второй половине XI — первой четверти XII в. уже давнюю традицию, восходившую к X в., князя как верховного носителя юридических прав» (с. 521). Но представление о князе как «верховном носителе юридических прав» должно было существовать только в смердье среде, но и у остальных категорий зависимого и свободного населения. Смерды в этом отношении не могли представлять какого-то исключения.

Рассуждения исследователя о смердах вообще и о смердах в княжеском хозяйстве в частности вновь ведут к тем дискуссиям, которые были актуальны исключительно для советской историографии. Действительно, вся совокупность немногочисленных свидетельств о смердах, что имеется в распоряжении исследователей, характеризуют эту группу зависимых как лиц стоящих на одной ступени социальной лестницы с холопами и зависимых исключительно от князя. Добавить к этому новые характеристики едва ли возможно. Наличие же у смердов «средств производства» и общинной организации ни коим образом не меняет их социального статуса зависимых людей.

Завершая анализ некоторых взглядов М. Б. Свердлова на особенности общественного и социального развития Древней Руси, хотелось бы отметить следующее. За последние 20 лет были опубликованы две обобщающие монографии автора — «Домонгольская Русь» и «Генезис и структура феодального общества в Древней Руси». Если взять те стержневые сюжеты, которые рассматриваются в обеих работах ученого (феодальная собственность, участие князя в правовых и социальных процессах, особенности положения зависимого населения), то можно заметить, что ракурсы изучения этих вопросов — от постановки проблемы, до подбора аргументации и интерпретации источников — сохранились в неизменном виде. Феодальная собственность реализует себя исключительно как, через неземельные пожалования (*кормления*), так и через развитое

вотчинное землевладение. При этом, все существующие в историографии контрдоводы, хотя бы относительно того, что древнерусские *кормления* не были связаны со служебными обязательствами князя князю или дружинника князю, остались незамеченными исследователем.

Право, насколько можно судить по предшествующим публикациям автора и по рецензируемой работе, в Древней Руси могло существовать исключительно в виде княжеского (государственного) института, возникающего не столько в интересах общества в целом, сколько социальной верхушки, навязываемого небольшой по численности группой элиты всем остальным слоям свободного и зависимого населения. Активное же участие свободных мужей в судопроизводстве, наличие огромного круга бытовых вопросов вовсе не находившихся в компетенции княжеского суда, остается незамеченным исследователем, что приводит к созданию искаженной картины общественной жизни XI — начала XIII в., где степень социальной активности зависит от степени причастности к правящей элите.

Изучение категорий зависимого населения (холопы, смерды, челядь) ведется в том проблемном поле, которое было сформулировано еще советской историографией. Упрощенно представить это проблемное поле возможно следующим образом: рабство — признак социального деления общества на ранней стадии его развития (догосударственной), следовательно, не может быть заметным социальным явлением в последующее время, поскольку иначе нарушается принцип поступательного развития общества и т. п. Частая апелляция историка к провозглашаемому им принципу «синхростадиальности» социально-политического развития средневековой Руси и западноевропейских государств, упреки в адрес тех, кто не разделяет его точку зрения в приверженности к «сталинским схемам» исторического развития, подчас выглядят как главный аргумент в системе обоснования авторского мнения. Подобный метод ведения научной дискуссии более всего сближает работу М. Б. Свердлова с логикой и стилистикой советской историографии, неприемлемыми в наши дни.